

Профессор В. Н. Перцев

Захват и заселение Бранденбургской марки немцами

Прусское государство возникло совершенно иначе, чем другие государства Германии. Их ядром были пять герцогств— Франкония, Швабия, Бавария, Саксония и Лотарингия, образовавшихся из восточной части распавшейся монархии Карла Великого. В основе это были племенные герцогства, выроставшие из объединения и укрепления прежних родово-племенных союзов. В период развития феодальных отношений прежняя власть племенных герцогов разными путями превращалась в классовую власть феодальных князей. В одних случаях сами племенные герцоги сближались с аристократическими элементами своих герцогств, утрачивая прежний племенной характер своей власти (например в Саксонии), в других они заменялись должностными лицами— графами (во Франконии), маркграфами (в Баварии), государевыми посланцами (в Швабии) каролингских королей; но во всех случаях результат был один— установление в этих государствах феодального строя со всеми его политическими и социально-экономическими признаками— ростом центробежных сил, закрепощением туземного населения и уничтожением остатков родово-племенного быта. Политическая история этих герцогств характеризуется постепенным их распадом на более мелкие феодальные владения— на маленькие княжества, графства, епископства, аббатства и даже городские территории, причем, чем дальше шло время, тем более и более увеличивалось это дробление. Поэтому средневековая история старой, основной

Германии (к которой не относится ни Австрия, ни Пруссия) была связана с дроблением ее на мелкие и мельчайшие части. Социальная же история ее заключалась в закреплении местного, в основном немецкого населения, разложении марки— с постепенной утратой ею ее защитных функций по отношению к прежде свободным общинникам и превращением ее в орудие господствующих классов, направленное против крестьянских и отчасти городских масс.

Иной характер имела политическая история средневековой Пруссии. Прежде всего ее отличало от старых германских княжеств то, что она целиком возникла за пределами старой Германии. «Это было,— по словам Лависса,— немецкое государство, основанное за пределами Германии». Иначе говоря, оба основных территориальных зерна, из которых выросла позднейшая большая Пруссия,— и Бранденбургское маркграфство, и владения Тевтонского ордена,— выросли на славянских, литовских, латвийских и иных негерманских землях. Туземное население здесь с течением времени было или онемечено, или истреблено немецкими пришельцами. Поэтому-то в исторических работах, посвященных ранней истории Пруссии,— и немецких, и ненемецких,— обычно та территория, которую заняли немцы на восток от Эльбы, мягко называется «земли немецкой колонизации». На самом деле эту территорию правильнее было бы назвать землями беззастенчивого, в сущности разбойного захвата. Захват совершался всякого рода воинским сбродом, но для захватчиков нужны были и трудовые руки, которые могли бы обрабатывать захваченные земли, и горожане, которые могли бы обеспечить их предметами ремесла и торговли.

По отношению к туземному населению захваты и заселение захваченных земель были связаны с рядом чрезвычайных жестокостей. Хроника первых поселений немцев на славянской территории полна описаний кровавых насилий над местными племенами, и к этим насилиям нам еще придется вернуться в дальнейшем. В политическом отношении «новые», заэльбские немецкие государства характеризуются большей централизованностью власти и относительно большими размерами территорий, на которых они возникали. Борьба с местным славянским населением была настолько жестокой и трудной, что для своего успеха она требовала централизации власти и политического единства. Поэтому здесь, на востоке Германии, не было того политического дробления, которое характерно для «старой», более западной Гер-

мании. «Здесь, на границе с Польшей,— говорит Энгельс,— уже образовались крупные государства,— Померания, Бранденбург, курфюршество Саксонское...» (Маркс и Энгельс Соч., т. XVI, ч. I, стр. 240).

Немецкие историки,— и между ними такие, как Ранке,— склонны представлять себе политическую историю Пруссии таким образом, что она с самого начала взяла на себя общегосударственную миссию объединения Германии. Это мнение совершенно неправильно. Пруссия (в позднейшем смысле этого слова) возникла как военно-колониционное государство на территории славян, литовцев и других негерманских народностей путем их порабощения. Поэтому усиление Пруссии с самого начала зависело не от того, что ей будто бы удалось занять влиятельное положение внутри Германии, а потому, что за ее пределами ей удалось захватить довольно значительную территорию и сколотить на этой территории первоначально сильную государственную власть. Но эта территория и эта власть образовались в борьбе со Священной Римской империей, а не в союзе с ней. В первоначальных интересах Пруссии было не усиление, а ослабление Германии, как целого, причем она стремилась и к ослаблению в ней императорской власти в центре, и к захвату отдельных германских территорий, пограничных с территорией Пруссии. Недаром позднее на Пруссию смотрели не только за общегерманской границей, но и внутри самой Германии, как на разбойничье государство, падкое до чужих владений. В этом смысле был прав французский историк Пруссии Лависс, который говорил, что Пруссия росла за счет Германии, но не для Германии.

Ранняя история лютичей и их первоначальная борьба с немцами

Предметом настоящей статьи является история захвата и заселения немцами той части будущего прусского государства, которая называлась Бранденбургской маркой. Бранденбургская марка возникла в XII веке на территории между нижними течениями Эльбы и Одера. Эта территория раньше была занята славянами.

Природа, среди которой жили славяне между Эльбой и Одером, была очень скудна и неприветлива. На этих землях населению приходилось сталкиваться с двумя редко совмещающимися неудобствами — обилием наземной влаги и недостатком питьевой воды. Реки Гавель и Шпре, орошающие Бранденбургскую равнину, текут чрезвычайно медленно и, растекаясь по низменной местности, образуют много болот, стоячих озер и мелких заросших рукавов. Воды здесь было

много, но она была мало пригодной для питья, скопляясь в заболоченных местностях; селения возникали поэтому главным образом по течению основных рек — Шпре и Гавеля, или в ближайших от них окрестностях (там рылись колодцы). К тому же в летнее время все эти мелкие озера, пруды и рукава пересыхали, и тогда окружающие их местности превращались в песчаные пустыни. Отсюда и пошло название Бранденбурга «немецкой песочницей».

В более ранних источниках (I—III вв. н. э.) славяне известны под общим названием вендов, венетов, венедов; в более поздних (с VI века) — под собственным именем славян. Однако средневековые хроникеры часто возвращаются к античному термину — венеды, венеты, — который они применяли к западным славянам, ибо других славян они или не знали совсем, или знали мало. Венедами называли славян и многие немецкие историки. Славяне, жившие между Эльбой (нижней и средней) и Одером, дробились на множество мелких племен, которые позднее (в VIII в.) объединились в три основные группы: сорбов (в позднейшем Мейсене и Лужицкой земле), лютичей (в позднейшем Бранденбурге) и бодричей (в Мекленбурге). Их соседями с запада были франки, которые в скором времени перешли против славян в наступление. Борьба велась и позднее — Карлом Великим и его преемниками. Карл Великий после покорения саксов основал вдоль восточной границы своей империи ряд марок и назначил в них правителями своих маркграфов, которые начали борьбу против вендов и в ряде случаев заставили их даже платить себе дань. Но даже при Карле Великом успехи маркграфов в борьбе против славян были очень ограничены. В ближайшее же время после его смерти, при Каролингах IX и начала X века, когда монархия Карла Великого распалась на части, и эти успехи свелись на нет. В это время на западную романо-германскую Европу нападали норманны с севера и венгры с востока; поэтому преемникам Карла Великого, между которыми начались к тому же междуусобные войны, было не до завоеваний. Положение несколько изменилось в X веке при Саксонской династии. Генрих Птицелов (919—936) и Оттон I (936—973) довольно удачно воевали против вендов и основывали на их землях монастыри и крепости. Генриху Птицелову удалось подчинить себе главный город небольшого лютичского племени стодорян (иначе гаволян) Бранибор, а на другие племена лютичей и бодричей была наложена дань. При Оттоне I возобновилась начатая Карлом Великим политика

устройства марок, но теперь эти марки основывались уже не на границе с славянскими землями, а внутри их территорий. Так, Оттоном в земле лютичей была основана так называемая Новая марка (около 940 г.), центром которой стал подчиненный еще Генрихом Птицеловом город Бранибор, причем в нем и в Гавельберге — другом крупном центре лютичей — были учреждены епископства, с подчинением их Магдебургскому архиепископу (с 968 г.). Власть немцев расширялась и дальше, т. е. за пределы позднейшего Бранденбурга. Дело доходило до того, что граница Германии с Эльбы уже переходила на Одер.

Нужно отметить, что этими своими успехами немцы были обязаны главным образом непрочности союзов славянских племен и происходившим между ними частым раздорам. Так, самое образование Новой марки с центром в Браниборе, было связано с изменою браниборского князя Тугомира, подкупленного маркграфом Южной Саксонии Героном. Но и на этот раз успехи немцев среди лютичей (и др. полабских племен) были непрочны. Уже Оттон I перестал поддерживать своих восточных маркграфов. Он опирался на рыцарей, жаждавших легкой и богатой добычи, а их в то время гораздо более привлекала обильная городами и культурная Италия, казавшаяся к тому же слабой и бессильной, чем бедные и бесплодные славянские болота и пески, население которых упорно отстаивало свою независимость. Помимо всего этого самому Оттону итальянские походы сузили власть над папами и духовенством. Поэтому он увлекся движением на Италию и охладил к востоку. Еще в большей степени это относится к ближайшему преемнику Оттона I — Оттону II (973—983), походы которого в Италию отнимали у него много времени и сил и притом были неудачны. Славяне этим воспользовались и в последний год его царствования (983) восстали. Восстание продолжалось и в течение следующего царствования Оттона III (983—1002) и кончилось тем, что все успехи Генриха I и Оттона I в борьбе со славянами были сведены к нулю. Оплоты немцев в землях лютичей — Бранибор и Гавельберг — снова были захвачены славянами, и граница опять вернулась на Эльбу. На целые 150 лет полабские славяне стали свободными от немецкого ига.

В это время они не только оборонялись, но и не раз сами переходили через границу Эльбы, вторгались в Саксонию и другие германские земли. Борьба велась жестокая, и кровь лилась рекой. Против бодричей вели борьбу главным образом

герцоги саксонские, против лютичей — так называемые северные маркграфы (Северная марка занимала тогда узкую полосу между Эльбою и Гавелем), против сорбов — маркграфы мейсенские. Хроникеры того времени — Титмар, епископ Мерзебургский,¹ Адам Бременский² и Гельмольт,³ — все они говорят о зверствах немцев в период этой борьбы и о той ненависти, которую они возбуждали к себе в славянах.

Борьба со стороны немцев велась под идеологическим знаменем внедрения христианства среди язычников. Но сами хроникеры, несмотря на свое германское происхождение и духовные звания, не могут скрыть того, что христианская пропаганда для завоевателей была только пустым прикрытием. Самый ранний из них — Титмар Мерзебургский — подчеркивает, что после каждой победы немцы делили между собой пленников, чтобы вслед за тем продать их в рабство на востоке. Адам Бременский упрекает саксов в том, что они более расположены к вымогательствам, чем к проповеди христианства. А Гельмольт яркими красками рисует «ненасытную алчность саксов», хотя и хвалит их за «уменьше владеть оружием». «Но они, — говорит далее Гельмольт, — всегда более склонны заботиться об увеличении дани, чем о покорении душ господу». Источники показывают, что христианские миссионеры, приходившие в славянские земли, прежде всего заботились о наложении десятины на вновь обращенных, о получении доходных должностей и о приобретении церковных земель в захваченных территориях. Не мудрено, что местное население видело в пришлых священниках главным образом падких до денег, до власти и до земли людей. Их почти постоянно сопровождали отряды рыцарей, которые действовали самыми грубыми средствами насилия. Бывало и так, что епископы сами командовали войсками, а монахи — отдельными отрядами вооруженных немцев. Немудрено поэтому, что военное насилие и пропаганда христианства составляли неотделимое друг от друга целое. Припомним слова Маркса о «язве христианства»,⁴ которыми он характеризует проникновение новой религии в славянские земли. Славян особенно отталкивало жестокое уголовное право, господствовавшее среди немцев; оно резко расходилось с теми полупатриархальными судебными обычаями, которые еще держались среди них. «У христиан, — говорили славяне, — есть воры и разбойники; им отсекают ноги и выкалывают глаза. Всевозможные преступления и наказания совершает христианин над христианином. Пусть минует нас такая религия». К тому же

славяне совершенно не понимали языка, на котором им преподносилась новая религия. В лучшем случае это был язык немецкий, но чаще всего латинский, иногда даже греческий. Можно привести такой курьезный случай. Титмар Мерзебургский, епископ и хроникер конца X и начала XI века, обучал славян греческой молитве « *κύριε ἐλέησον* » (господи помилуй). Славяне переделали это непонятное выражение в созвучные вендские слова: (w kŕi wolſa), что значило «в кусте стоит ольха», и нисколько этим не были смущены, потому что все равно слова христианского богослужения им были совершенно непонятны.

Главным недостатком вендских племен, обеспечившим немцам конечный успех в борьбе с ними, было попрежнему отсутствие единства в их среде. Земля лютичей, которая потом стала территорией Бранденбурга, распадалась на множество отдельных племен: шпревлян, стодорян (гаволян), хижан, раторей, доленцов, украин и т. п.; в свою очередь эти племена распадалась на еще более мелкие общины. Так, земля стодорян еще в половине X века распадалась на 30 отдельных округов (*pagus*), состоявших из нескольких поселков с центральным городком во главе, в котором сидел князь (*жупан*), возглавлявший округ. Эти мелкие общины первоначально демократически управлялись своими местными маленькими вечеми, но чем дальше шло время, тем большее значение в них приобретала местная власть, выделявшаяся из среды остального общества благодаря захватам рабов, земли и других богатств. Эту знать латинские источники называют нобиллями (*nobiles*), первыми людьми (*primates*), даже баронами (*barones*) и т. п. Особенно быстро идет рост значения знати в промежуток между IX и XI столетиями, хотя в отдельных случаях она играла большую роль и раньше. Племенная аристократия приобретала все большее влияние на вечевых собраниях и оттесняла на задний план рядовых вечевигов. Из ее среды по большей части выходили и местные князья. Но территория, на которую распространялась их власть, была очень невелика, и это затрудняло борьбу вендов (лютичей в частности) против немцев.

Были периоды, когда венды сознавали недостаток единства и стремились к объединению. Уже при Карле Великом, как передает биограф Карла Эйнгард, во главе всех или большинства лютичских племен стоял какой-то князь Драговит. Но власть этого князя и его ближайших преемников была очень непрочна: наряду с ним у каждого маленького пле-

мени были свои князьки и свои веча, ему не подчинявшиеся. В X веке у лютичей исчезли и эти слабые общие князья, не пользовавшиеся и раньше почти никакой властью. Для решения некоторых общих дел собиралось иногда общее вече. В X и XI веках в связи с падением общекняжеской власти значение этого вече даже усилилось. По словам Титмара Мерзебургского, оно обычно собиралось перед войной, и на нем играли главную роль не князья, а «первые» люди. Это показывает, что среди лютичей, как и среди других славянских народностей, аристократические элементы все более и более усиливались. Знать же не обнаруживала большого стремления защищать свободу своего племени от немцев. К X—XII векам она уже обладала некоторыми богатствами — землей, рабами и деньгами, искала защиты их от своих собственных соплеменников в помощи немецких властей и христианского духовенства. Часто и князья в своих стремлениях подчинить дани как свои, так и чужие племена, также прибегали к помощи немецких властей. Все это ослабляло силу сопротивления лютичей (как и других вендских племен) немцам, и попытки создания более или менее сильной власти, объединяющей их в прочную федерацию, были в общем неудачны.

В XI и в начале XII века среди лютичских племен, таким образом, существовала некоторая связь, но связь эта была очень слабой и касалась только внешних дел. Тем не менее, несмотря даже на эту слабость общей власти, лютичи оказывали немцам более упорное сопротивление, чем другие вендские племена. Сорбы подчинились маркграфам мейсенским раньше всего. Вслед за тем подчинились немцам и бодричи, не выдержав натиска герцогов саксонских. Лютичи же держались упорнее, но в половине XII века пришла очередь и за ними. Маркграфы Северной марки внутри своих владений не обладали большими силами для борьбы с ними, но зато вся Германия была полна беспокойными, искавшими приключений и легкой добычи рыцарями, а отчасти и другими людьми, стремившимися подняться до рыцарского звания. По обычаям того времени, феодальное владение наследовалось целиком старшим сыном, а младшие сыновья оказывались как бы не у дел; им приходилось искать средств к существованию, участвуя в разного рода авантюрных приключениях. С другой стороны, в то время, в XI—XII веках, рыцарство еще не представляло из себя замкнутого сословия. Так называемые «благородные» люди еще не вполне отделились от просто свободных. Среди воинов при императоре Лотаре II

(половина XII в.) были люди «как родовитые, так и неродовитые».⁵ Свободному, а иногда даже и несвободному человеку, горожанину и крестьянину⁶ было еще возможно с оружием в руках добыть для себя рыцарские шпоры, приобрести где-нибудь поместье или, во всяком случае, повысить свое социальное положение. Поэтому всякого рода завоевательные авантюры без больших трудностей могли привлечь к себе охотников. Не учитывая этого обстоятельства, нельзя объяснить себе ни широкого развития крестоносного движения, ни походов германских императоров в Италию,⁷ ни завоевательных успехов немцев на востоке, за Эльбою.

Захваты Альбрехта Медведя

Таким образом, для завоеваний на востоке обстоятельства складывались благоприятно. До поры до времени не хватало только энергичного человека, который объединил бы и двинул в заэльбские территории толпы безземельных рыцарей и других людей, искавших возможности повысить свое общественное положение. Таким энергичным и дерзким человеком оказался маркграф Северной марки Альбрехт фон-Болленштедт, по прозвищу Медведь. Это был человек бурной и неукротимой энергии, и не было ни одного крупного предприятия того времени, в котором он не принял бы участия. Вместе с императором Лотарем II, а позднее — с Фридрихом Барбароссой, он участвовал в походах на Рим и как рядовой воин сражался с ополчениями ломбардских городов. Он дрался и в Чехии и едва не пал в бою, окруженный со всех сторон чешской дружиной князя Собислава. Это был рыцарь в духе тех жестоких и беспокойных времен, всегда готовый к борьбе, всегда охваченный жаждою авантюрных подвигов, преисполненный широкими замыслами и увлечениями, жестокий по отношению к врагам, смелый в битвах и честолюбивый. Он не сразу сделался маркграфом Северной марки и стал им не по праву наследования. В годы молодости он был незначительным графом Священной Римской империи, владевшим небольшими, хотя и многочисленными феодами, разбросанными в горах Гарца. Одна из принадлежавших ему крепостей носила название Ашерслебен. По обычаю тех времен ей дали латинское созвучное название «Ascaria», переделанное немцами в «Аскания». Отсюда и пошло название владельцев всех территорий, расположенных у Гарца, графами Асканийскими или Асканиями.

До него Северной маркой владели маркграфы из дома Штаде. Они не обладали ни энергией, ни способностью к организации, и их борьба против лютических племен имела малый успех. Узкая полоса земли между Эльбой и Гавелем— вот вся территория, которой они владели. В 1134 г. император Лотарь II решил передать власть над Северной маркой в руки Альбрехта Медведя. Альбрехт был не только буйным и смелым рыцарем, но в то же самое время и расчетливым политиком. Он скоро понял, что своих честолюбивых планов он легче всего может добиться не в борьбе с Италией, выгоды от которой даже и в случае успеха достались бы не ему, а императору, а в борьбе со слабыми и разрозненными славянскими племенами. Поэтому он охотно принял приглашение Лотаря, и с этого времени покорение земель лютичей пошло быстро и успешно. Немецкие историки недавнего прошлого (особенно вышедшие из школы Трейчке) склонны приписывать создание внешнего могущества Пруссии династии Гогенцоллернов. Это сомнительно даже по отношению к более поздним временам и решительно неверно по отношению к ранней истории Бранденбурга, потому что не с Гогенцоллернами, а с Асканиями связаны главные успехи немцев в подчинении лютичей и в создании Бранденбургского маркграфства.

Альбрехту пришлось с самого начала вести борьбу не с одними лютичами, но и с другими немецкими князьями, претендовавшими на господство над всеми вендами. Самым главным его соперником в этом отношении был гораздо более могущественный в то время князь, чем он сам,— герцог саксонский Генрих Лев: Герцоги саксонские в то время вообще возглавляли борьбу немцев против славян, и у Альбрехта была мечта самому стать саксонским герцогом и занять таким образом самое влиятельное положение как в Германии, так и в борьбе против славян. Одно время Альбрехту улыбнулась удача, и он на короткий срок добился герцогского достоинства в Саксонии, но потом титул герцога саксонского ему пришлось снова отдать. Тем с большей энергией он обратился к борьбе против лютичей. Обстоятельства, складывавшиеся среди лютичей, оказались для него в тот момент благоприятными. Лютичи переживали тогда, как и многие другие славянские племена, период переходный между родово-племенным строем и феодализмом. Как и среди других славянских племен, среди них складывалась своя аристократия, стремившаяся закрепить свое усиливавшееся значение и свои

богатства с помощью немецких князей. По существу родовая верхушка среди лютичей ничего не имела против установления у себя феодальных порядков. Поэтому-то в лютичской земле разгоралась классовая борьба, причем рядовое население отстаивало старый полупатриархальный быт. Эта классовая борьба, как и всюду, ввиду господства в то время религиозной идеологии, выливалась в столкновение между христианством, бывшим знаменем формировавшегося феодализма, и язычеством, сохранение которого в глазах масс означало и сохранение старого патриархального равноправия и, кроме того, национальной независимости от немцев.

Нужно заметить, что не всюду и не всегда знать и возглавлявшие ее князья сразу становились на сторону немцев. Князьям приходилось считаться с настроениями рядовой массы, которая в то время в славянских землях не была еще подчинена феодальному гнету, носила оружие и при случае могла поднять его против неугодного ей князя. Но сопротивление знати и князей, будучи по существу вынужденным, — если и возникало, — никогда не было сильным и продолжительным. Поэтому-то Альбрехту Медведю без большого труда удалось захватить земли гавельбергского князя Витекинда и образовать из них подвластную ему, так называемую Переднюю (иначе Пригницкую) марку (Vormark). В других случаях местная славянская аристократия прямо помогала Альбрехту Медведю. Так, в земле лютичского племени стодорян в то время княжил князь Прибыслав. Он стал прямо и безоговорочно на сторону немцев. Особенно заботился он об обращении своих подданных в христианство, в котором видел опору своей власти и своих богатств. Однако его подданные не хотели добровольно принимать чужую религию, и тогда Прибыслав обратился за помощью к Альбрехту Медведю. Это положило начало союзу между ними, который оказался настолько прочным, что, умирая, в 1150 г. Прибыслав завещал Альбрехту свою область (с центром в Браниборе). Но население завещанной области добровольно не хотело подчиниться немцам. Альбрехту пришлось подчинить себе его силой, и он отправился в Бранибор с целым рыцарским войском. Время года для войны в этих болотистых местностях оказалось подходящим: была зима, многочисленные ручьи, реки и болота замерзли; по льду Альбрехт подошел к городу и обложил его со всех сторон. После недолгой осады Бранибор сдался и был затем переименован на немецкий лад в Бранденбург.⁸ Значение, которое Альбрехт придавал захвату Бра-

нибора, он сам подчеркнул тем, что через некоторое время (1157 г.) переименовал свой прежний титул северного маркграфа на титул маркграфа бранденбургского, хотя полученная по завещанию земля стодорян составляла только часть его владений, названную им Средней маркой.

После захвата Бранибора Альбрехт прожил еще 20 лет и несколько расширил свои бранденбургские владения на восток по реке Шпре, а на север — по Эльбе. В общем его владения были все-таки очень невелики и составляли только небольшую часть современной прусской провинции Бранденбург. Но начало было положено, и преемникам Альбрехта оставалось только идти по проложенному им пути. Захваты Альбрехта — территориально не особенно большие — произвели огромное моральное впечатление на соседних славян. Даже и те славянские князья, которые не подчинились Альбрехту, старались теперь жить с ним в дружбе и согласии. Это также в значительной степени облегчило преемникам Альбрехта их дальнейшие успехи.

Немецкая колонизация Бранденбургской марки

С самого начала немецких захватов славяне стали подвергаться порабощению, и над ними было установлено самое жестокое угнетение. Это угнетение было одинаковым и на землях, захватываемых саксонскими герцогствами (бодричи), и на землях, подчиненных мейсенскому маркграфу (сорбы), и на землях лютичей. Одну из наиболее ярких картин раннего угнетения славянской массы (еще до конца XII в.) дает переданный Гельмольтом в его хронике (*Chronica slavorum*) разговор одного славянского князя с немецким епископом. «Властители наши, — говорит этот князь, — так жестоко нас угнетают, наши жалобы и рабство так тяжелы, что смерть для нас лучше жизни. Всякий день нас тиранят и дают до изнеможения. Когда же нам думать о новой вере, как нам строить церкви и принимать крещение, когда нам всякий день приходится помышлять о бегстве? Если бы по крайней мере было куда бежать! Но всюду нас ждет одна и та же напасть! Что же нам остается другое, как, покидая землю, бросаться в море и жить среди волн? И разве наша вина, что изгнанные с родины мы сделали море небезопасным и стали брать деньги с датчан и с купцов, которые плавают по морю? Разве это не вина властителей, которые нас выгоняют?». Характерно, что эти слова приписываются славянскому князю, склонному, как и почти все князья, примириться с немецким засильем и тем не менее не видевшему никакого другого

исхода для своих соплеменников, кроме бегства в чужие края, или занятия морским разбоем.

Те же, кто оставался, быстро закрепощались или умирали. За лютичами с половины XII в., т. е. с самого момента превращения Северной марки в Бранденбургское маркграфство, уже не признавалось право собственности на их земли. Только сам маркграф, церковь и прибывшие с ним из старых немецких земель рыцари-дворяне признавались собственниками земли. Что касается до славян, то права собственности признавались за ними в виде некоторого исключения, которое делалось главным образом для славянской знати, чаще всего для потомков князей, отказавшихся от борьбы с немцами. Из среды той же знати, или во всяком случае из среды зажиточных людей немногие славяне допускались и в состав городского общества, да и то для них отводились там особые кварталы. Остальных же славян ждало истребление или порабощение. Ярким свидетельством этого является хотя бы то обстоятельство, что у немцев самое слово «венд» приобретает презрительное значение. Об этом говорит выражение: *«unehrliche und wendische Leute»*, согласно с которым принадлежность к славянству приравнивается к бесчестью. Спасаясь от истребления, славяне уходили в жалкие деревушки, где не было пахотной земли и где жителям приходилось добывать средства к существованию главным образом рыбной ловлей. Эти деревушки назывались кицинами (или по латыни *villae jeovicales*). Жители их, за неимением других продуктов, несли повинности в пользу местных феодалов в виде миног.

Славянское население марки, таким образом, вымирало или разбегалось, и на его место являлись немцы. Дело здесь обстояло таким образом. Маркграф для того, чтобы использовать вновь захваченные земли, нуждался в двух вещах: во-первых, в военных людях (в широком смысле слова — в рыцарях), которые могли бы охранять уже сделанные территориальные захваты и продвигать их дальше, и, во-вторых, в крестьянах-земледельцах, которые могли бы сделать захваченные земли доходными и для самого маркграфа, и для окружавшего его военного дворянства. Привлечение рыцарства на новые земли и заселение их крестьянами чаще всего шло параллельно, ибо рыцарю, который появлялся на бранденбургской территории, как и самому маркграфу, нужны были, конечно, не просто земли, а земли, заселенные зависимыми от него крестьянами. Привлечение рыцарства было де-

лом несложным. Уже в самом процессе своих захватов маркграф, естественно, оказывался окруженным целым рядом слуг высшего ранга. Этими высшими слугами по большей части были епископы и аббаты, а также и высшая знать, от графа до знатного рыцаря. Таким вельможам давались во власть с самого начала довольно большие земельные владения—часто в несколько деревень каждому,— которые первоначально—до дальнейших успехов немецкой колонизации—оказывались заселенными только редким славянским населением. Крупным землевладельцам маркграф передавал вотчинную власть над крестьянами, т. е. право взимать с них *Vede* и чинш; бывало это, однако, не всегда, потому что сначала верховным собственником над всей занятой землей считался сам маркграф, и только от его милости зависело,— отчудить ли право взимания *Vede* и чинша в пользу крупных землевладельцев.

Но земли раздавались не одним вельможам, которых было слишком мало для защиты захваченной земли и для новых завоеваний,— они раздавались и простым воинам,— как пришедшим с самого начала вместе с маркграфом, так и пригласенным им потом. Эти воины, как и раньше, были людьми сборного и часто очень незнатного происхождения. Маркграфам не приходилось быть особенно разборчивыми, и если к ним являлся человек, способный к конной службе и имевший хорошее вооружение, то они готовы были принять его к себе на службу и наделить землей, не производя никаких разысканий в его родословной. Бывало иногда и так, что на военную службу принимались даже и несвободные люди, особенно из среды дворовых людей самого маркграфа или окружавших его вельмож, лишь бы только они обладали некоторыми боевыми достоинствами. Нужно припомнить, что в то время «исход сражения решался не так, как у римских легионов,— сплоченностью, ловким маневрированием и совместным натиском хорошо дисциплинированных, хорошо подготовленных тактических единиц,— а личной храбростью и сноровкой отдельных воинов».¹⁰ При таких условиях личные боевые качества не могли не иметь большого значения, и они часто (хотя и не всегда) ценились очень высоко. Эти воины второго ранга получали уже не большие земельные владения, как вельможи, а сравнительно небольшие земельные участки в 4—6 гуф.¹¹ В точном смысле слова дворянами среди них были только воины, имевшие звание рыцарей. К XII веку во всей Западной Европе рыцарство уже успело выделиться из общего сословия военных людей и стало приобретать аристократи-

ческий характер дворянства.¹² В Бранденбурге воинам, имевшим звание рыцаря, давались обычно повышенные земельные наделы, но сначала не выше 6 гуф. Ниже рыцарей стояли воины со званием оруженосца, так называемые Кнарре или Knecht'ы¹³; они обычно получали наделы не выше 4 гуф. И те и другие были людьми зажиточными, но назвать их богатыми ни в коем случае нельзя. Их обязанность заключалась в том, чтобы держать наготове для военной службы — оруженосцы — 2-3 копейщиков, а рыцари — 3-4 конных слуг, и за это они, кроме ленных прав на землю, получали еще некоторые привилегии в отношении повинностей, а именно свободу от Bede и от государственных налогов в пользу маркграфа. Но, в противоположность большинству вельмож, они первоначально не были помещиками в более позднем смысле этого слова ни по размерам своего владения, ни по верховной власти над крестьянскими землями. Такие рыцари и оруженосцы были только более сильными соседями крестьян и не имели над ними феодальных прав. Крестьяне, во всяком случае первоначально, по отношению к ним были людьми формально свободными. При этом прочной связи с деревней и даже со своей собственной землей у таких рыцарей не было, потому что большую часть своего времени они проводили на военной службе или при дворе маркграфа. Служба маркграфу и военная добыча — вот что по существу было основой их общественного и хозяйственного значения, а не их небольшие земельные владения.

Однако очень рано все это стало изменяться, и рыцари уже со второй половины XIII века стали занимать в деревне иное, чем прежде, положение. Перемены, возникавшие здесь, зависели от эволюции их отношений к крестьянам, и для того, чтобы понять их, надо обратиться к изучению условий, которыми сопровождался приток крестьян в Бранденбург изнутри Германии. Эти условия стояли в связи с тем положением, в котором находились крестьяне старой Германии. Время от X до половины XII века было периодом самого тяжелого гнета для крестьянства, жившего на запад от Эльбы. Это было время, когда крестьяне окончательно потеряли свою свободу и свои права собственности на землю, иначе говоря, это было время полного развития феодального права. «Старая община — марка еще продолжала свое существование, но она уже находилась под господской опекой.¹⁴ В нее внедрялся феодальный помещик, который «приобретал крестьянскую усадьбу и вместе с тем приобретал принадлежащие этой усадьбе права

в марке».¹⁵ В результате рыцари-помещики «несмотря на упорное сопротивление крестьян приобрели во многих местах привилегию в марке, а подчас даже сумели подчинить ее своей господской власти».¹⁶ Таким образом, крестьяне уже переставали находить в марке поддержку для своих прав, и марка уже в слабой степени оставалась оплотом для крестьянских масс.

С другой стороны, в это время еще не возникали или почти не возникали те явления, которые в дальнейшем — и главным образом с половины XIII столетия — стали действовать в сторону улучшения положения крестьян. В Германии к этому времени города еще не развились в убежища для наиболее энергичных крепостных элементов деревни. В то же время еще не развился и отход населения на восток, который позднее — и также с половины XIII столетия — стал угрозой для помещиков и заставил их на некоторое время, хотя бы на одно столетие, ослабить гнет по отношению к крестьянам. Ко всем несчастьям для крестьян прибавлялись еще вечные войны между феодалами — крупными и мелкими, — которые не подвергались пока ограничению со стороны еще слабой государственной власти.

Ко всему этому надо прибавить, что земли крестьян крайне плохо обрабатывались: не было еще искусственного удобрения, не всюду еще проникло трехполье. Под влиянием всего этого в Германии X—XII веков как никогда развивались голод, нищета и малоземелье. Все это создавало благоприятные условия для колонизации славянских земель за Эльбой, которая развернулась в широких размерах именно с половины XIII века. Недостатка в немецких поселенцах, желающих бросить старую родину и переселиться на новые места на льготных условиях, не было, тем более, что, как мы уже говорили, право собственности на землю за старым славянским населением новые немецкие власти не признавали.

Волна переселяющихся шла из самых различных мест — из Швабии, Баварии, Гессена, Саксонии, Фландрии, Голландии, Дании и проч. Переселение совершалось двояким путем. В одних случаях крестьяне являлись сюда еще до того времени, когда земельная территория передавалась маркграфом в лен тому или иному рыцарю или вельможе. Следовательно, крестьянин здесь являлся на землю раньше землевладельца. Единственным верховным собственником и единственным претендентом на его повинности (первоначально Веде и чинш) здесь был только маркграф. Зем-

левладелец являлся сюда только позднее, и первоначально он был только более влиятельным и более зажиточным соседом крестьян, не пользуясь по отношению к ним никакими феодальными правами. Крестьяне могли покинуть занятую землю, когда хотели, без всяких обязательств и условий. Так как верховным собственником над крестьянской землей считался маркграф, а не рыцари, то в пользу маркграфа же, а не рыцаря, крестьяне несли свои земельные повинности — Bede и чинш, а также подводную повинность, выражавшуюся в доставке лошадей и подвод в мирное время и телег для военного обоза в военное время, и помощь маркграфу при укреплении его замков (Burgwerk). В этом и заключалось главное отличие рыцарей от вельмож, у которых, как мы видели, такие права взимания Bede и чинша имелись, хотя и не всегда. Только в тех случаях, когда рыцари, нуждаясь в рабочих руках для обработки своего владения, предоставляли из него небольшие участки для пользования крестьянам, последние несли за это в пользу рыцарей небольшую отработочную или натуральную ренту. Сначала крестьяне не были подчинены и суду рыцаря, — и даже более того, — первоначально и рыцари и кнехты наряду с крестьянами были сами подсудны суду деревенской общины. Этим как бы подтверждалось их положение только более влиятельных и зажиточных соседей по отношению к остальным членам марки. Однако позднее и, как мы увидим, довольно рано, уже с половины XIII века, это положение крестьян по отношению к рыцарям стало меняться к худшему, и рыцари стали подчинять их своей феодальной власти.

Другой ряд случаев — и это бывало чаще всего — имел место тогда, когда рыцарь явился на землю раньше призванного из старой Германии крестьянина. Обычно маркграф раздавал рыцарям уже опустевшие благодаря бегству и быстрому вымиранию славян, но еще незаселенные немцами земли. Раньше такие земли были заселены славянами, но они постоянно восставали против немецких пришельцев. Многие из них погибали в боях, многие истреблялись и в мирное время, многие бежали на восток — в Померанию и Польшу. Страна безлюдная, и недостаток рабочих рук побуждал землевладельцев принимать меры к заселению их земельных владений. Процесс заселения шел тогда таким образом: землевладелец, а иногда и сам маркграф выискивал какого-нибудь предприимчивого человека, который за земельное вознаграждение соглашался поставить на землю целую

группу крестьян — выходцев из старой Германии. Этот человек по-латыни назывался *Iocator* 'ом, по-немецки *schulz*'ем, в русском переводе с латинского садчиком (от *Iocare* — садить). Он приводил с собой группу немецких крестьян — человек в 30—60, обещая им свободу от личной зависимости и всякого рода льготы. Крестьяне получали небольшие земельные участки, которые им предоставлялось расширить путем занятия еще неподвергавшейся обработке нови. При этом иногда крестьяне занимали землю среди еще оставшихся славян, иногда же они основывали исключительно чисто немецкие деревни. Занятая земля по немецкому обычаю разделялась на гуфы, причем крестьяне получали обычно по одной гуфе, шульцы — по 2-3-4; 2 гуфы давались местному приходскому священнику. Крестьяне на некоторое время освобождались от несения всяких платежей и повинностей, причем это освобождение было наиболее полным в тех случаях, когда они занимали новину, которую еще нужно было поднять и приспособить к земельной культуре, и менее полным тогда, когда крестьяне занимали находившуюся уже ранее в обработке славян землю.¹⁷ В «Саксонском Зерцале» (сборнике обычаев и законов XIII века) говорится о таких крестьянах: «они свободны потому, что первые распахали почву». В отличие от крестьян первой категории, т. е. явившихся на землю раньше рыцаря, рыцарь имел некоторые феодальные права над пришлыми крестьянами. Так, крестьянин не мог оставить полученный им участок, не подыскав себе заместителя. Со своей стороны и рыцарь, однако, не мог произвольно захватить или продать крестьянские наделы. Судебная власть здесь также юридически принадлежала землевладельцам, но фактически он уступал ее шульцу, который отправлял ее обычно вместе с выборными от крестьянской общины, т. н. шеффенами. Шульц, который с самого начала имел некоторые права по отношению к приведенным им крестьянам, с течением времени все более их увеличивал, превращался сначала в наследственного судью и старшину своей деревни, а потом и в помещика, получая при этом рыцарское достоинство. Таким образом, здесь крестьяне, хотя и признавали верховную власть помещика на свою землю и несли в его пользу (а не только в пользу маркграфа, как в первом случае) некоторые повинности, но в общем сохраняли свое общинное устройство, принесенное ими из старой Германии, хотя и урезанное и контролируемое помещиком или шульцем. Во всяком случае личная свобода в смысле права выбирать для себя занятие, сво-

бодно вступать в брак и переселяться на новые места при условии поставки заместителя существовала и здесь.

Однако некоторое исключение, касавшееся личного свободного положения крестьян, существовало и в этот ранний период. Немецкий исследователь Ридель¹⁸ находит, что уже в середине XIII века здесь для некоторых, правда очень ограниченных групп крестьян, существовало так наз. *Leibeigenschaft*, т. е. крепостное состояние в собственном смысле, связанное с несвободой даже в распоряжении своей личностью. Это крепостное право возникало из двух источников: во-первых, ему подчинялись те из дворовых людей, которых рыцари захватывали с собой при переселении с запада и которых они оставляли на своей личной службе и в дальнейшем, предоставляя им иногда небольшие усадебные участки из своих собственных земельных владений, а во-вторых, в крепостное состояние попадали и уцелевшие на занятых рыцарями землях славяне, с которыми не церемонились вообще и которые не пользовались защитой никакого права.

Но немецкое население вновь колонизируемых деревень в основном все-таки до поры до времени было свободно от личной зависимости. Говоря о пришлом крестьянстве, нельзя не упомянуть об одной его особенности. На западе источником разорения крестьян часто являлась военная служба, которую крестьяне первоначально там несли (до времени Каролингов, а часто и в первые периоды власти каролингской династии). Только со времени Каролингов рыцарство в качестве землевладельческого класса все больше и больше вытесняет крестьянское ополчение, и войско приобретает по своему основному социальному составу дворянский характер. На востоке, как правило, рыцарство с самого начала было единственным военным сословием. Здесь с момента образования маркграфства основную военную службу — главным образом кавалерийскую — несли не рядовые колонисты-крестьяне, а привилегированные лица — кнаппы и рыцари. При этом кнаппы выезжали на поле битвы с двумя-тремя копейщиками, а рыцари с тремя-четырьмя конюхами. Крестьяне же только в случаях особой необходимости привлекались к сторожевой службе в деревнях, а бюргеры — к гарнизонной службе в бургах. Такое отстранение крестьянства от активной военной службы было вполне понятно. Приглашенные за Эльбу немецкие крестьяне шли сюда не затем, чтобы воевать, а затем, чтобы обзавестись на новых местах более или менее свободным хозяйством. Что касается славян-туземцев, то о при-

влечении их на военную службу не могло быть и речи уже по одному тому, что войны, возникаемые на колонизируемых территориях, были обращены, прежде всего, против них самих, против их свободы и независимости. Исконная свобода немецкого крестьянства в Бранденбурге от активной военной службы была одним из факторов, предохранявших крестьян от разорения и содействовавших также тому, что здесь крестьянство довольно долгое время сохраняло свою земельную независимость.

Льготы давались не одним крестьянам, а также и горожанам. При учреждении одного нового города (Сольдина) маркграф говорит: «новое создание требует большей свободы». Маркграфам, которые первоначально должны были за всеми необходимыми товарами — оружием, домашней утварью, одеждой, даже продовольствием — обращаться в старую Германию, была ясна та роль, которую может сыграть город во вновь завоеванной стране, и потому они покровительствовали и основанию новых городов и превращению прежних славянских укрепленных и торговых поселков в немецкие городские центры. В новых местах под покровительством маркграфов основывались рынки, возводились стены, строились общественные и частные здания. При основании новых городов, как и при заселении сельских местностей, маркграфам приходилось прибегать сначала к частной инициативе, а именно, к особому рода предпринимателям, приобретающим во вновь образуемых городах права фохтов, аналогичные правам шульцев в деревнях. А именно; предприниматель получал от маркграфа землю (иногда покупал ее за деньги), на которой должен был возникнуть новый город, приглашал туда ремесленников или застройщиков, которым на первых порах давались всякого рода льготы по уплате налогов и несению повинностей. Когда же город застраивался, то ему давалось автономное самоуправление. Так возникли такие города, как Берлин (1170 г.), Франкфурт на Одере и др.

Что касается до тех городов, население которых было исконно славянским, то маркграфы и другие власти всеми мерами содействовали искоренению или уничтожению в них первоначального славянского населения. Славяне в них почти всегда исключались из числа полноправных граждан; им отказывалось в праве записываться в цехи и запрещалось иметь недвижимую собственность. Они или совершенно вытеснялись немцами или превращались в бесправных людей; в лучшем случае они добывали себе средства к жизни случайными за-

работками поденщиков, чернорабочих, рыбаков и т. п., а в худшем — пополняли собою кадры бродяг и прочих деклассированных людей. Поэтому-то уже очень скоро все города в Бранденбурге стали немецкими, т. е. в них совершался тот же процесс искоренения славянского населения, что и в деревнях. Гельмольт в своей хронике говорит, что Альбрехт, «подчинив себе много славянских племен и обуздав их мятежи», понял, что «славян скоро нехватит» и «отправил гонцов в Утрехт, на берега Рейна и к народам, терпевшим от морских бурь, т. е. голландцам, зеландцам и фламандцам, которых он расселил по славянским городам и крепостям». Рост городов шел при этом очень быстро, и постепенно Бранденбургская марка покрывалась немецкими городами, как бранденбургские поля, болота и леса — немецкими деревнями. До XII века в Бранденбурге было только два поселка, заслуживающих названия города, — Бранденбург и Гавельберг. В течение же XIII века число городских центров, конечно пока еще очень маленьких, увеличилось до ста. Нужно иметь при этом в виду, что река Эльба даже и в то время уже играла роль бойкой торговой дороги, соединявшей среднюю Германию с Северным морем, и это в значительной степени содействовало росту по ее течению торговых поселков. Нужно при этом еще сказать, что немецкая колонизация в Бранденбурге проводилась более решительно, чем в других заэльбских областях. В Мекленбурге, Померании и Силезии колонизацию проводили сами славянские князья, которые щадили своих соплеменников. Даже в Мейсенской марке славяне долгое время удерживались в плодородных долинах. Только в Бранденбурге славянское население или уничтожалось, или загонялось в рыбацкие поселки, или же ставилось в бесправное положение.

При всем том положение немецких колонистов в Бранденбурге на первых порах было лучше, чем положение немецких крестьян, живших в старых германских областях, находившихся на запад от Эльбы. Энгельс, давая обобщенную характеристику первоначальной колонизации восточно-германских областей, в статье «К истории прусского крестьянства» пишет: «Германия к востоку от Эльбы и к северу от Рудных и Исполнских гор была во второй половине средних веков отнята у проникших сюда славян и вновь германизирована немецкими колонистами. Завоеватели, — немецкие рыцари и бароны,¹⁹ которые были наделены землею, подвизались в качестве «грюндеров» (учредителей) деревень; они разбивали свои владения на деревенские участки, из которых каждый дробил-

ся на равные по величине крестьянские наделы или гуфы. Эти гуфы распределялись по жребию между переселявшимися сюда франкскими (франками прирейнскими и нидерландскими), саксонскими и фризскими колонистами; колонисты обязаны были за это грюндеру, т. е. рыцарю или барону, очень умеренным, твердо установленным оброком и отработками. До тех пор, пока крестьяне выполняли эти повинности, они были наследственными владельцами своих гуф. К тому же они имели в лесу грюндера (впоследствии помещика) такое же право пользоваться пастбищами, право на рубку дров, откорм свиней и т. п., каким пользовались крестьяне западной Германии в своей общинной марке. Распаханная деревенская земля подлежала принудительному севообороту и в большинстве случаев обрабатывалась по трехпольной системе — под озимое поле, под яровое и под паром. Поля под паром или под жнивьем служили общим выгоном для скота как грюндера, так и крестьян. Все деревенские дела решались на собрании односельчан (Hofgenossen), т. е. владельцев гуф, по большинству голосов. Права дворян-грюндеров ограничивались правом взыскания повинностей и участием в пользовании паром или жнивьем под выгон, правом на известный лес и на председательствование в собрании односельчан, которые все были лично свободными людьми. Таково в среднем было положение немецких крестьян от Эльбы до Восточной Пруссии и Силезии. Эти крестьяне были в общем в значительно более выгодном положении, чем крестьяне западной и южной Германии в это время; последние тогда уже вели жестокую, постоянно возобновляющуюся борьбу с феодалами за свои старые наследственные права и большей частью уже попадали в гораздо более тяжелую зависимость, которая угрожала их личной свободе или даже совсем лишала их свободы». ²⁰

Таким образом, политику немецких властей в Бранденбурге можно коротко резюмировать как угнетение и истребление туземного славянского населения и всякого рода льготы и послабления по отношению к пришлым немцам. Жестокое отношение к туземцам привело к тому, что уже через два столетия после Альбрехта Медведя славянская речь перестала звучать в Бранденбургской марке.

Исчезла также и языческая религия. Как мы видели, уже давно — лет за 200 до Альбрехта, — Оттон I устроил в землях лютичей два епископства — в Браниборе и Гавельберге. В сущности оба эти епископства были фиктивными, потому что до Альбрехта территория их принадлежала славянам-

язычникам, и ни у одного из обоих епископов не могло быть паствы из христиан. Князья и знать славян, правда, обнаруживали, как мы уже говорили, тяготение к христианству и иногда поддерживали христианских проповедников, но масса населения упорно держалась своей старой религии и поднимала против христианских поработителей частые восстания. Так, во время восстания 983 года были уничтожены соборы в обоих епископских городах, причем часть духовенства была перебита, а часть спаслась бегством. Новый натиск на языческую религию предпринят был со стороны Альбрехта Медведя. Методы христианизации в основном остались прежние; это были методы насилия и наказания по отношению к упорствующим. Но у Альбрехта и у его ближайших преемников было больше сил и средств для проведения христианизаторской политики. Эти силы и средства были связаны всецело с успехами колонизации. Так Альбрехту удалось основать во вновь завоеванных землях несколько новых монастырей (кроме Гавельберга и Бранденбурга — в Лейцкау, Иерихове и других местах), причем этим монастырям были пожалованы обширные земли, как пустые, так и заселенные. На эти земли, как и на земли светских владельцев, были приглашены немецкие поселенцы из Германии, которым давались земельные участки на тех же основаниях, что и на землях светских рыцарей. Поэтому-то в немецкой колонизации Бранденбурга монастыри сыграли очень крупную роль.

С половины XIII века в положении пришлых крестьян стали происходить, однако, очень существенные перемены, — и эти перемены были переменами к худшему. Рыцари, производя новые захваты на славянской территории, изгоняя и истребляя крестьян, все более и более увеличивали размеры своих владений. Бывали и такие случаи, правда, пока еще не особенно частые, что рыцарь присоединял к своим владениям и участки немецких крестьян. В XIII—XIV веках такое присоединение касалось главным образом опустевших вследствие эпидемии, особенно вследствие так называемой черной смерти земельных наделов. Иногда же рыцари просто покупали занятые крестьянами участки; это случалось в тех случаях, когда крестьяне переселялись в город или разорялись от неурожая или от других причин. Однако насильственных сносов крестьян с земли пока еще не было, или они случались в виде редких исключений. Такие сносы появятся и разовьются только после реформации.

Несмотря на все это, все-таки рост рыцарских владений шел очень быстро. Уже через 100 лет после образования Бранденбургской марки (около 1250 г.) некоторые рыцари вместо 6 гуф владели уже участками по 20 гуф. А в первой половине XIV века размеры рыцарских владений²¹ нередко достигали и до 30 гуф. С этим увеличением рыцарских владений связывался ряд последствий.

Во-первых, для увеличенных владений требовалась и большая рабочая сила. Прежние маленькие участки рыцарей обрабатывались обычно или дворовыми людьми рыцаря, или же соседними крестьянами на основании некоторых договоров с ними, чаще всего за предоставление им в пользование небольших земельных участков. Теперь — и уже с половины XIII столетия — рыцарям этого было мало, и они стали стремиться к подчинению себе соседних крестьян. Они стали покупать у маркграфов права на взимание государственных повинностей с соседних крестьян, — благо у маркграфов к этому времени появилась усиленная нужда в деньгах. Они покупали у маркграфов право на *Bede*, на подводную повинность и иные повинности, причем размеры их они постепенно увеличивали. Так, подводная повинность в пользу маркграфа раньше равнялась 3—4, редко 7 дням в году; позднее же рыцари обратили ее в полевую барщину или в иные формы отработочной ренты. Благодаря этому они как бы замещали своей особой маркграфа в пределах подвластного им земельного округа и становились верховными собственниками крестьянских участков, входивших в пределы этого округа. Иначе говоря, из влиятельных соседей крестьян они становились как бы владельцами поместьев (*Grundherr*'ами). С возвышением своего значения они стали считать уже унижительной для себя подсудность суду деревенской общины; поэтому со второй половины XIII века они стали судиться только судом маркграфа. Они не удовлетворились, однако, и этим и добивались от маркграфов передачи им судебных прав над крестьянами, часто покупая как эти, так и другие права за деньги. Вследствие этого помещик становился и шульцом по отношению к крестьянам. Таким образом, в руках рыцаря оказывалась и патримониальная власть над крестьянами. Он же приобретал и право патроната над местной церковью, с чем было связано и право взимания церковной десятины, не говоря уже о том, что общественный вес рыцаря в пределах его округа от этого еще более увеличивался.

Так образовывался рыцарский класс, и так шло быстрое, вполне развившееся уже к началу XIV столетия превращение рыцаря из зажиточного, но небогатого соседа крестьян, подсудного общему с ними суду общины, в более или менее крупного землевладельца помещичьего типа, обладавшего феодальными правами на земли крестьян, на их труд и продукт, а также и судебной властью над ними.

Соответственно с этим изменялось, конечно, и положение крестьян. До XVI века крестьянин еще не терял своей личной свободы. Он мог переходить с места на место и выбирать себе занятие. Первое формальное запрещение свободного стхода крестьян, изданное бранденбургским ландтагом, относится к 1536 г. Но затруднения, которые ставились помещиками к такому переходу, были несомненно и раньше. Вместе с тем росли и прежде незначительные повинности в пользу помещика — продуктовые и отработочные. Развивается даже и дворовая служба крестьянских детей при дворе помещика. Правда, до XVI века служба подростков в качестве дворовых слуг еще не была их обязанностью и применялась только тогда, когда сами крестьяне изъявляли на это свое согласие. Но чем дальше шло время, чем более ухудшалось материальное положение крестьян, тем необходимее было для них давать на это свое согласие. Однако только с XVI века дворовая служба подростков становится правом помещиков и обязанностью крестьян (*Zwangsgesindedienst*). Первый указ, устанавливавший такую повинность, относится к 1527 году.

Наряду с этим все более и более сокращаются и права крестьянского самоуправления, особенно после того, как помещики присвоили себе права и должность шульца. Урезывается также, хотя пока еще постепенно и медленно, и площадь крестьянского землевладения в пользу землевладения рыцарского, что выражается по преимуществу в росте количества крестьянских участков, захватываемых рыцарями.

Все указанные явления до XVI века еще не получают полного развития. Главной причиной, толкавшей рыцарей к нажиму на крестьянскую землю и на крестьянский труд, был рост товарного хозяйства, ибо рыцарю для уплаты его расходов по покупке городских товаров нужно было и больше земли, и больше продуктов, чем раньше. «Возраставшая у феодалов нужда в деньгах в XIV—XV веках, — говорит Энгельс в упомянутой статье «К истории прусского крестьянства», — приводила, разумеется, и на северо-востоке к противодоговорным попыткам угнетения и эксплуатации крестьян», но тут же

Энгельс прибавляет, что это угнетение совершалось пока еще «далеко не в таких размерах и не с таким успехом, как в южной Германии», ибо «население к востоку было еще редким, пустопорожных земель было еще много; распашка этих пустопорожных земель, расширение обработки, стройка новых оброчных деревень оставались здесь самым верным способом обогащения для феодального вотчинника».²²

Резюмируя все сказанное, можно сказать, что с XIII, а особенно с XIV и XV веков в положении свободного крестьянского населения произошли изменения в сторону его ухудшения, но эти изменения пока еще не дошли до своих крайних последствий и не привели к полной потере крестьянами их свободы. Такая потеря наступила только в XVI веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Титмар Мерзебургский (975-1019), близкий родственник императора, автор „Хроники“ (в 8 книгах) от Генриха I до 1018 г.; лучший источник для ранней истории славянских стран на Эльбе.

² Адам Бременский, каноник XI в., дал историю гамбургского архиепископства, но попутно касается северных славян и дает о них довольно точные сведения.

³ Гельмольт, священник XII в., написал славянскую хронику, главным образом в связи с деятельностью Генриха Льва.

⁴ Christenseuche—Архив Маркса—Энгельса, т. V, стр. 340.

⁵ *meitestam maiores, quam minores.*

⁶ Только Фридрих Барбаросса в 1187 г. запретил посвящение в рыцари сыновей крестьян и духовных лиц.

⁷ Хроникер XII в. Оттон Фрейзингенский (дядя императора Фридриха Барбароссы) с осуждением говорит, что в итальянских городах сыновья ремесленников посвящаются в рыцари.

⁸ Наименование „Бранибор“ связано было с положением города за лесами, ограждавшими его от нападений.

⁹ Беде (Bede)—особый налог в пользу землевладельца, право взимать который первоначально покупалось или испрашивалось у маркграфа: от глагола *bitten* (испрашивать) и возникло название Bede.

¹⁰ Дельбрюк. История военного искусства, т. III, стр. 172.

¹¹ Гуфы имели ряд разновидностей. В данном случае гуфа—это неопределенных размеров, (чаще всего в 30—40 моргенов) земельный участок, достаточный для прокормления крестьянской семьи. В понятие гуфы включались и права на пользование лесом и выгоном.

¹² Wedel. Deutsche Ritterschaft.

¹³ Термины *Knappe* и *Knecht* этимологически сходны со словом *Knabe*, которое в военном языке имело смысл „молодого парня“, но в английском языке слово *Knight* означало рыцаря.

¹⁴ Маркс и Энгельс. Соч., т. XV, стр. 639. (Из статьи Энгельса „Марка“).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Однако по истечении первых льготных лет крестьяне уже несли некоторые повинности, заключающиеся в чинше (оброке) и барщине в пользу землевладельца, десятины в пользу церкви и некоторых обязанностей в пользу маркграфа. На первых порах все эти повинности были незначительны.

¹⁸ Riedel. Die Mark Brandenburg im Jahre 1250.

¹⁹ Здесь Энгельс указывает бегло на то различие между рядовыми рыцарями и вельможами (баронами по Энгельсу), о котором мы говорили выше.

²⁰ Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 239—240.

²¹ По данным земельного кадастра Новой марки 1337 г.

²² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 240.